

Ишутина Ю. А.
Yu. A. Ishutina

**ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В СИМВОЛИЧЕСКИХ ФОРМАХ ПОВЕДЕНИЯ
СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙЦЕВ**

**TRADITIONS AND INNOVATIONS IN SYMBOLIC FORMS OF BEHAVIOR
OF MODERN CHINESE**

Ишутина Юлия Александровна – кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой китаеведения Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток); 690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8. E-mail: ishutina.yua@dvfu.ru.

Ms. Yuliya A. Ishutina – PhD in Culture studies, associate professor, the head of the Chinese Department, The Oriental Institute – School of Regional and International Researches, Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok); 690091, Vladivostok, 8 Sukhanova str. E-mail: ishutina.yua@dvfu.ru.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о сохранении традиционных форм символического поведения китайцев в эпоху осуществлённой модернизации. В условиях глобализационных вызовов и последующего на них ответа конфуцианской культуры некоторые формы внутрикланового общения, например, проявление гиперопеки (体贴 tǐ tiē), становятся более обязательными и носят публичный характер. На уровне повседневности актуальны обычаи, соблюдение которых направлено на коммуникацию внутри семьи с целью усиления родственных связей, подвергающихся риску ослабления в силу академической, социальной и производственной мобильности современных китайцев.

Summary. The article is devoted to the question of preserving the traditional forms of symbolic behavior of the Chinese in the era of modernization. In the context of globalization calls and the subsequent response of Confucian culture to them, some forms of inter-clan communication, for example, manifestation of overprotection (贴 tǐ tiē), are more obligatory and have a public character. At the level of everyday life, those customs are important, the observance of which is aimed at communication within the family, the clan, in order to strengthen family ties that are at risk of weakening due to the academic, social and industrial mobility of modern Chinese people.

Ключевые слова: ритуальность, обычаи, модернизация, символические формы поведения, традиция и современность.

Key words: rituality, customs, modernization, symbolic forms of behavior, tradition and modernity.

УДК 394

Традиционно выделяемые нормативная и аксиологическая функции культуры реализуются только при условии взаимного дополнения друг друга: первая регламентирует нормы поведения и общения, вторая утверждает определённые ценности и формирует нравственные ориентиры в пределах заданной нормы. В эпоху успешного осуществления масштабных модернизаций в КНР наблюдается процесс незначительной трансформации форм символического поведения, отражающий общемировую тенденцию к нарождающейся глобальной культуре.

Приступая к исследованию некоторых феноменов китайской повседневности, наметим основные точки на шкале символических форм коммуникации, обозначив ритуал и обычай как предельно отстоящие друга от друга. По мнению А. К. Байбурина, под ритуалом «понимается принадлежность области сакрального», а также характеристики стереотипности и обязательности с градацией неблагоприятия в случае невыполнения (или ненадлежащего отправления ритуала) [1]. Высшей степенью ритуализации выступают обряды, от выполнения которых зависит жизнь коллектива, низшей – обычаи, регламентирующие повседневную жизнь и по последствиям несущественные для коллектива в целом.

Традиция считается более долговечным, передающимся от поколения к поколению, знаком культуры, в то же время обычай – форма символического поведения, реализуемая на уровне реальной бытовой жизнедеятельности. В поведенческой шкале китайской повседневности большое значение по-прежнему играет церемониал, репрезентирующийся в этикетных нормах, бытовом общении (на вербальном и невербальном уровнях), официально-деловой коммуникации.

Полевые исследования на уровне повседневности являются наиболее информативными, так как они дают возможность проследить динамику символических форм поведения носителя китайской культуры в современном обществе, обозначить тенденции к появлению новаций в заявленной сфере. Гипотеза исследования заключается в том, что некоторые формы повседневного общения, например, проявление гиперопеки (体贴 *tǐ tiē*), становятся более облигаторными, чем это было ранее вследствие нарастающей популярности к их сохранению в традиционном виде, вероятно, в парадигме «вызова и ответа» глобализационных процессов и традиционной культуры.

Процессы глобализации на начальном этапе создают иллюзию культурной гомогенности, так как при поверхностном взгляде все страны, участвующие в процессе, становятся одинаковыми: бывалый путешественник свободно ориентируется в инфраструктуре аэропорта, транспортном сообщении, метро, видит одинаковые постройки с аналогичным назначением по всему миру, посещает телебашни, которые соревнуются между собой в высоте, и т. п. Эта лёгкость объясняется стиранием различий во внешнем облике города или туристического объекта, обусловленным глобализацией. И даже в не совсем обычных местах, на самом пике горы, куда предстоит подняться на скоростном стеклянном лифте в парке Чжанцзыцзе (КНР), можно гарантированно получить возможность перекусить в ресторанах быстрого питания KFC и McDonald's, пионерах глобальной массовой культуры.

В современном китайском обществе на социетальном уровне западные культурные ценности восприняты (вряд ли будут приняты полностью и до конца), локализованы, переработаны, осмыслены и по старой доброй традиции соотнесены с фактами и прецедентными событиями, имевшими место в высокой китайской истории и самых истоках конфуцианства. Ввиду того, что китайская культура может оперировать целыми тысячелетиями, достижения западной духовной и материальной культуры воспринимаются как нечто молодое, специфическое, но ещё не прошедшее проверку столь длительным временем.

И в Китае, и на Тайване формирование глобальной массовой культуры чётко прослеживается как в классовых, так и возрастных границах: молодёжь, особенно городская, активнее включает в свой мир ценностей символы американской и/или корейской (на северо-западе и в центральных регионах КНР) и западной и/или японской культуры (на юго-восточном побережье и на Тайване). Пожилая часть населения, сельские жители и рабочие северо-востока и центральных провинций континентального Китая вряд ли могут пополнить ряды течения 哈日族 *Hārìzú*, благосклонно реагирующих на всё японское и обожающих всё, что порождает японская массовая культура.

Тяготение к традиции обнаруживается не на потребительском уровне, а на уровне символического поведения, так как традиционность проявляет себя там, где высокий ритм современной жизни замедляется ввиду того, что отправление религиозных, социальных и психологических ритуалов не терпит спешки. Китайская традиционная культура неразрывно связана с ритуалом и обрядом, назначение которых – регулировать эмоциональное состояние людей, формировать культурную идентичность. По мнению А. И. Кравченко, следуя обычаю, «человек озабочен поддержанием своего психологического статуса, удовлетворению материальных запросов, в ритуале – реализации духовных устремлений», так как последний считается более высокой степенью регуляции поведения [5]. И ритуал, и обычай несут специфические черты национальной культуры, формируя и совершенствуя её семиотическую систему.

В основе традиции лежит длительный опыт социальной группы – язык, символика и знаковая система, через которую культура способна репрезентировать себя. Так создаются сценарии поведения человека и реализуется нормативная функция культуры. Если рассматривать сценарии поведения китайца с точки зрения принадлежности к ритуалу, обряду, церемониалу или обычаю,

то не всегда удаётся проследить чёткую грань принадлежности той или иной формы поведения. Так, отправление процедуры поклонения культу предков с точки зрения культурологии является таковым и может быть отнесено к ритуалам, осуществляемым по лунному календарю (в День поминовения усопших (Qīngmíng 清明), в День кормления духов (Zhōng yuán 中元), в Праздник двойной девятки Чуньянцзе (Chóngyáng jié 重阳节). По сути, ритуал общения с животными душами предка (魄 pò), навеки сокрытыми в физической оболочке ушедшего, есть молитва, то есть обращение личного духа к личному же духу. Действию предшествует пост. Действие сопровождается воскуриванием благовонных палочек, докладом старшего мужчины в роду о состоянии дел, просьбой помочь решить материальные проблемы, порою сетованием и намёком на возможность выбрать себе для поклонения другого предка. Подобная лёгкость общения китайца с душами предков имеет реальную угрозу для них остаться «некормленными». Голодные духи способны беспокоить живых, поэтому в континентальном Китае их питают в Праздник Чжунъюань (15-й день 7-й луны); в Фуцзяни и на Тайване проводят специальные выносы божеств народной религии (Мацзу, Чэнхуан, Баошэнди и др.); одним из этапов проноса статуй богов по местности является кормление голодных духов [4].

Ритуал поклонения культу предков может осуществить только мужчина, дабы не было внесено хаоса в гармонию (阴 yīn 阳 yáng). Актуальность и живучесть традиции поклонения культу предков подтверждается фактом существования гендерного перекаса в пользу мужчин почти в 50 млн человек возраста 20–30 лет. В 2010 году было объявлено об официальном введении трёх выходных дней на День поминовения усопших (清明 Цинмин) в КНР, что даёт возможность работающему китайцу добраться до места захоронения предков из любой точки Китая. Несмотря на сложные внутривосточные проблемы, существующие между континентальным Китаем и островным Тайванем, даже в самые трудные времена гоминьдановцам, ушедшим на Тайвань вслед за Чан Кайши, разрешалось раз в год посещать могилы предков на материке по упрощённой схеме въезда. В обеих частях Китая сложился обычай оставлять на могиле чётное количество фруктов. Через три дня, когда они напитаются энергией, положено забирать нечётное количество, чтобы накормить ими детей клана. Так осуществляется процесс общения давно ушедших с самыми младшими членами семьи. На кладбища принято приезжать семьями, что с ростом доходов китайцев и увеличением числа личных автомобилей приводит к образованию многокилометровых пробок по направлению к кладбищам близ мегаполисов.

Процедура проведения ритуала меняется мало, но возникают новации, касающиеся увеличения ассортимента атрибутов, «отправляемых» в вышеупомянутые праздники душам предков: если раньше сжигались бумажные деньги, бутафорные золотые слитки и стопки испещрённых иероглифами молитв, то теперь можно увидеть бумажные дома и даже бутафорские модели автомобилей представительского класса. Это делается для того, чтобы обеспечить предка всем необходимым и дать шанс откупиться от чертей с говорящими именами Лошадиная Морда (Mǎ Miàn 马面) и Коровья Башка (Niú Tóu 牛头), которые могут избавить от прохождения того или иного зала пыток в китайском аду, идея которого была заимствована из буддизма. Процедура отправки может осуществляться в совершенно неожиданных для иностранца местах – на перекрёстке дорог, считающемся порталом в мир духов. В благополучных районах с целью повышения культуры быта и сохранения пешеходных переходов устанавливают треножники (dǐng 鼎), что практически и вместе с тем воздаётся дань традиции, ведь такие треножники использовались для подобных целей в доциньскую эпоху. Таким образом обеспечивается дальнейшее развитие повседневного общения между ныне живущими и бестелесными обоготворёнными душами предков: путём моления на кладбище – животным душам одного и того же человека и путём молитвы человеческим душам (魂 hún) и процедуры подношений (gòngshǎng 供赏) на алтарь предков, установленный практически в каждом китайском доме. У одного усопшего, по народным верованиям, от трёх до пяти человеческих душ, которые отходят посмертно до девяти дней; животные души должны быть правильно упокоены и навсегда остаться в теле.

Традиционный погребальный обряд описан в научной литературе подробно, например, в работе Л. С. Васильева [3]. В современном Китае он значительно изменился, так как ожидание «счастливого дня» для захоронения по традициям геомантических практик *фэн-шуй* при такой популяции населения невозможно, а традиционно предписанное захоронение в землю вряд ли может быть соблюдено, так как стоимость участков земли доходит до нескольких сотен тысяч юаней. Кремация рекомендована повсеместно, кроме районов КНР, где по обычаям положены похороны в воду или небесные похороны. Родственникам государственных служащих, учителям и некоторым другим категориям граждан выплачиваются суммы на погребение в размере до 30 окладов, если кремация состоялась.

В связи с тем, что на погребение положено дарить определённую сумму, чиновникам на законодательном уровне запрещено приглашать знакомых на похороны родственников, дабы препятствовать коррупции. Специально назначенный человек подсчитывает, сколько денег положено в конверт (белого или розового цвета), выдаёт примитивную шапочку для мужчин и повязку на руку из некрашеной ткани для женщин. Так маркируются участники процессии, одетые в одинаковые яркие костюмы. Похоронная процессия организуется по счастливому предзнаменованию, определяемому гадателем, если финансы позволяют держать тело в морге до положенного дня. Последнее омовение производят родственники, это не считается дурной приметой, покойного выставляют на три дня либо в общий двор под специальный навес, либо оставляют в гостиной дома. В течение этого времени родственникам спать возбраняется, они находятся рядом с телом, периодически кричит кликуша, подают угощения и семечки. Перед выносом со двора положено, кроме жертвенных денег и траурных венков, поднести покойному коня, покойнице – корову, выполненные из папье-маше или дерева. Покойному преподносят фигурку животного, соответствующего «земной ветви» китайского зодиакального цикла. Так, человек, рождённый в год Петуха, посмертно получает его фигурку, бережно приготовленную для загробного существования.

Перед отправлением возжигают поминальные свечи, по три на каждого участника процессии, устраивают салют из петард, затем гроб устанавливают на торжественно оформленный грузовик. Церемония может сопровождаться мужским или женским оркестром, исполняющим спокойные, не надрывные мелодии. На задних стёклах автомобилей, следующих в крематорий, размещают цифру, соответствующую возрасту покойного. В связи с дороговизной земли в наиболее выгодном с точки зрения традиционного погребального ритуала положении оказываются крестьяне, тела которых хоронят где-нибудь с краю обрабатываемого поля. Кремацию производят в тот же день, пока процессия передвигается по благоустроенному парку крематория после прощания с близким, тело предают огню и выдают родственникам в специально устроенном павильоне в конце парка.

Кроме традиционного траурного цвета некрашеной ткани (素 *sù*), в современном Китае стали использовать чёрный цвет. Траур по ушедшему соблюдают редко, в основном это можно увидеть фрагментарно, например, в виде небрежно приколотого к рукаву одежды куска необработанной ткани чёрного цвета. Суть, скорее, в безыскусности и простоте, исходящей от чувства утраты. Из добрых традиций прошлого сохраняется ровное отношение пожилых к предстоящим метаморфозам и как следствие, умиротворённое посещение «магазинов долголетия» (寿衣店 *shòuyī diàn*) с целью приобретения «одежды долголетия» и получения подарочных гробов в виде почтительного подарка от детей.

Если в традиции поклонения культу предков явно прослеживается сакральный характер происходящего, подразумевающий необходимость соблюдения процедуры ради общественного и семейного блага, репрезентации индивидуального и коллективного сценария поведения, то в отправлении других ритуалов, например, связанных с культом Земли, просматривается больший символизм, известная степень санкционированности обществом начала нового сельскохозяйственного сезона. Процедура приобретает вид церемониального театрального действия, когда актёр в одежде императора прокладывает первую борозду на пахоте. Это ежегодное событие не так чувствительно для китайцев в повседневной жизни, хотя каждый из них с гордостью заявляет о принадлежности к земледельческой нации. Учитывая особый склад менталитета китайца, вос-

принимающего пространство и время единым целым, о чём свидетельствует само его обозначение 时间 shíjiān, (буквально «время и пространство»), происходящее сию минуту одинаково событийно для всех эпох китайской истории одновременно, но обыденно для современного человека.

Принимая во внимание основное отличие обрядов как высшей степени ритуализации от обычаев, регламентирующих повседневную жизнь, необходимо обратить внимание на весьма заметный факт: от осуществления обрядов зависит жизнь коллектива, а несоблюдение обычаев индивидом может рассматриваться как нарушение норм, но возможные последствия никак не отражаются на жизни общества в целом.

Рассмотрим, к примеру, китайскую традицию, связанную с деторождением и функционированием женского организма в период репродуктивного возраста. В данном случае мы принимаем устоявшееся понимание традиции как длительного, преемственного от поколения к поколению, события, способного регулировать менее важные, чем ритуал, обряд и церемониал, фрагменты жизни. Регулирование происходит с помощью обычаев, имеющих по сравнению с традицией кратковременный характер и принимающих вид формы поведения, связанных с практической деятельностью. В быту человек стремится обеспечить свой биологический и социальный статус, удовлетворить материальные нужды и возникающие на уровне повседневности запросы, в то время как ритуал характеризуется стремлением к реализации духовных потребностей.

Испокон веков женщина, находящаяся в положении, прерывающая беременность искусственно или будучи родильницей, должна была чутко следить за состоянием взаимодействия энергий, текущих по её энергетическим каналам (经络 jīnglùò). Опытные доктора традиционной китайской медицины способны определить даже пол будущего ребенка по пульсу матери. Сексуальная жизнь в силу обстоятельств запрещалась; кроме того, китаянке предстояло устранить материально понимаемую нечистоту, возникшую вследствие естественных причин, освободиться от духовного напряжения и зла и перейти в новое физиологическое состояние. Вероятно, с этим связан обычай «соблюдения месяца» со дня рождения ребенка или прерывания беременности. Этот термин записывается глагольной морфемой 坐 zuò (буквально «сидеть») 月子 yuèzi (месяц). Налицо посылка к неактивному состоянию, что подтверждается и полученными сведениями, касающимися регламентирующей установки для женщины. Традиция предписывала женщине не вставать с постели, не совершать омовений, не утруждать себя домашними делами, не заниматься малышом. Питание было насыщенным с преобладанием протеина, обилием жидкости. С нашей точки зрения, условие соблюдения покоя и постельного режима связано с желанием избежать переохладения, учитывая, в каких бытовых условиях жили китайцы до недавнего времени, вполне понятно, что женщина могла легко приобрести такое заболевание, как артроз, возникающий в том числе вследствие усиления стихии ветра и воды в организме. Рацион также составлен с учётом восполнения недостающего белка. Ребёнком занимались все женщины семьи, которые могли поселиться в доме родильницы на целый месяц, дабы помочь осуществить «соблюдение месяца» по правилам.

Новации в описываемом обычае подразумевают более активное поведение женщины: разрешается вставать, менять одежду, заниматься малышом. Принимать водные процедуры по-прежнему возбраняется, даже волосы нельзя прибирать. Очевидно, что баланс стихий ветра и воды в организме легко нарушить несмотря на приемлемые в большинстве случаев условия проживания. Меню расширено незначительно за счёт жидкой пшённой каши, взваров и яиц (чаще всего утиных). Женская половина семьи может находиться в доме у родильницы постоянно, хотя для ухода за женщиной и ребёнком нанимают специальную сиделку, называемую 月嫂 yuè sāo (буквально «золотка на месяц»), что при известной семейственности китайцев, переносимой на социальный уровень, вполне уместно. В некоторых случаях с первых дней жизни начинают осуществлять телесные практики применительно к младенцу: укладывание без подушки с целью формирования пока ещё мягких костей черепа – плоский затылок считается красивым.

На 30-й и 29-й дни после рождения мальчика и девочки положено приглашать родственников на угощение, носящее название «вино на полную первую луну» (吃满月酒 chī mǎn yuè jǐu);

следующее празднование называется 百天 *báitiān* и отмечается в полные 100 дней со дня рождения ребёнка.

В старом Китае выбор имени осуществлялся после этого периода, у девочек личного имени могло и не быть, но было прозвище по системе родства 排行 *páiháng*, например, 三妹 *sān mèi* «третья сестрёнка». В годы строительства коммунизма обычай обращаться к специальному гадателю с просьбой выбрать имя для ребёнка в точном соответствии с геомантическими представлениями не приветствовался, однако в последние годы китайцы прибегают к их услугам – стоимость составляет от 150 юаней и выше. Современные геоманты используют метод компьютерного подсчёта состояния стихий на момент рождения малыша, что, несомненно, привносит нотку новаторства. Традиционно положено менять имя на менее звучное, если ребёнок часто болеет, так как болезнь может «не узнать» малыша под новым именем. В последнее время ханьское население избегает использовать морфему 月 *yuè* «полная луна» в женских именах: подоплёка такова, что полнота может реализоваться в теле.

На протяжении жизни человек находится под влиянием энергий *инь* и *ян*, от баланса которых зависит его физическое состояние. Человек рождается слабым (преобладание *инь*), затем энергия *ян* в нём усиливается, происходит взросление и возмужание; на склоне лет *инь* снова берёт своё. Энергии материализуются в человеческом теле: всё твёрдое есть средоточие *ян*, мягкое – *инь*. Болезнь наступает вследствие дисбаланса энергий и застоя *ци* в энергетических каналах. Иногда резкое ухудшение здоровья и внезапная болезнь трактуются китайцами как «заболевание вследствие стресса», что по-китайски звучит как 上火 *shàng huǒ* «погрузиться в стихию огня». Если заболел член семьи, все родственники консолидируются, так как обычай предписывает проявление неусыпной заботы (体贴 *tǐ tiē*), проявляющейся в обеспечении лекарствами западной и китайской медицины, коллективного сопровождения на приём к врачу (включая нахождение в его кабинете во время приёма), круглосуточное присутствие в палате больного, обильное кормление продуктами, энергетически соответствующими излечению заболевания. 体贴 *tǐ tiē* (в облегчённом варианте) также положено проявлять, если болеет близкий человек или коллега. Проявление заботы к немощному в принципе является нормой для любой культуры, но в китайской традиции она носит характер облигаторности, навязчивости и нарочитой обеспокоенности.

Впрочем, обычай неусыпной заботы можно пронаблюдать во многих бытовых ситуациях, прямо или косвенно связанных с телесностью. Например, во время ухода за стариками положено проявлять 养老 *yǎnglǎo* (буквально «пестование старости»). Древние медицинские трактаты содержат главы о том, как заботиться о пожилых, но нет ни слова об уходе за младенцами [6]. Пожилому человеку следовало меньше двигаться, есть, пить, говорить, даже смотреть. Это связано с идеей об известной конечности животворной энергии *ци*: старику даже одежду не следовало покупать новую, так как прежняя напитана драгоценной *ци*. Множество конфуцианских притч содержит упоминания о примерах крайней жертвенности, связанной с почтением к родителям: некий почтительный сын спал полностью обнажённым, дабы комары не тревожили родителей, а сиделись на его тело, другой отрезал куски собственного тела, когда родители голодали. Известны случаи умерщвления новорождённого с целью избавиться от лишнего рта и прокормить старшее поколение семьи [2]. В современном Китае вектор направления заботы постепенно смещается на младшее поколение: если ещё 15 лет назад дни рождения праздновали только люди в высоком возрасте, то теперь детские дни рождения отмечают с размахом. Старшее поколение тоже включено в систему неусыпной заботы – старики не только стараются экономить и накапливать сбережения для среднего поколения китайской семьи, но и провожают внуков в школу и из школы, беспокоятся о том, чтобы при себе у них была питьевая вода и т. п. Согласно традиции пожилые родители должны жить в доме младшего сына или дочери, со временем их место пребывания стало возможным либо в своём доме, либо у того из отпрысков, чьё благосостояние выше остальных. По факту в последние несколько лет одиноких или нуждающихся в особом уходе отправляют в дома престарелых. В государственных заведениях стоимость пребывания оставляет от 1500 юаней в месяц, в частных содержание дороже – до 6000 юаней. Наблюдение достаточно строгое, хотя

некоторые клиенты вполне мобильны, так в июле 2018 г. в сети был упомянут забавный случай о двух постояльцах дома престарелых, которые самостоятельно покинули его и отправились на рок-фестиваль в соседний город [8].

Старшее поколение семьи проявляет неустанную заботу об устройстве брака сына или дочери. Территориально наблюдаются различия в подходе решения этой проблемы: на северо-востоке Китая чаще прибегают к услугам свах, которые устраивают смотрины (相亲 xiāngqīn), в юго-восточных районах родители лично посещают ярмарки женихов и невест. Эти мероприятия не лишены самобытного колорита, чаще напоминают уличный стихийный рынок, на котором претенденты выкладывают фотографии потенциальных супругов с подробным указанием материального положения, уровня образования; не обходится и без привычного китайскому глазу набор характеристик по *фэн-шю* (год, месяц и дата рождения по лунному календарю, дабы стихии, присутствующие в гороскопе каждого из супругов, не мешали гармонии в браке). В Шанхае такой рынок находится близ станции метро «Народная площадь», и в первую половину дня, в выходные дни, здесь множество стариков, подыскивающих пару своему чаду. Можно разместить брачное объявление на стенде, плата взимается по тарифу от 25 юаней в месяц. Традиция предписывает делать свадебные подарки и выкуп, новаторство возникает в ритуале брачного ухаживания, когда молодой человек должен для вступления в помолвку приобрести квартиру для совместного проживания, оформив её на имя невесты; её родители делают ремонт для молодых. Мужчина тоже должен проявлять неустанную заботу в период ухаживания (делать подарки, носить на спине, если девушка устала от прогулки в парке; делать лёгкий массаж спины); после свадьбы ко всем этим обязанностям добавляются готовка, уборка и стирка. Как считают китайцы, всё это лучше получается у мужчин, женщина заботится и пестует свою красоту и выполняет репродуктивную функцию.

Забота старшего поколения распространяется на все сферы жизни, в том числе если в результате болезни или несчастного случая безвременно уходит из жизни незамужняя девушка или неженатый молодой человек. Родителям необходимо провести ритуал посмертного брака, для которого выбирают недавно умершую девушку, так как осуществление такой процедуры с пожилыми дамами невыгодно семье – невестку надо содержать. В газетах появляются публикации о случаях незаконной эксгумации женских трупов с целью их продажи либо об убийстве молодой женщины с той же самой целью. Согласно сообщениям такие случаи происходят в юго-восточных регионах Китая и в Гонконге. Так китайцы видят выполнение главной функции родителей – проявление заботы о ребёнке как о члене семьи и благополучии рода в целом. С точки зрения культурной релевантности, такая форма символического поведения вполне оправдана, хотя, безусловно, и на уровне китайской повседневности воспринимается не всеми в качестве абсолютной нормы.

Таким образом, практически во всех формах символического поведения в современном китайском обществе наблюдаются несущественные новации, которые можно рассматривать как рефлексию на глобальную культуру и ускорение темпа жизни обычного человека.

Все рассмотренные нами примеры свидетельствуют о том, что в принципе функционирования этих форм лежит сформулированное Э. Эриксоном понимание «общего значения происходящего всеми участниками при сохранении различий между индивидами; способность к развитию по стадиям жизненного цикла, в ходе которого достижения предыдущих стадий в дальнейшем приобретают символическое значение, а также взаимодействие людей, которые возобновляют его через определённые промежутки времени, сохраняя известную новизну и игровой характер» [7]. На уровне повседневности большую облигаторность приобретают обычаи, соблюдение которых направлено на коммуникацию внутри семьи, клана с целью усиления родственных связей, подвергающихся риску ослабления в силу академической, социальной и производственной мобильности современных китайцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
2. Бамбуковые страницы. Антология древнекитайской литературы / под ред. И. С. Лисевича. – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 1994. – 416 с.

Ишугина Ю. А.

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В СИМВОЛИЧЕСКИХ ФОРМАХ ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙЦЕВ

3. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2001. – 488 с.
4. Завидовская, Е. А. Народная религия современного Тайваня. Храмовые организации и праздники / Е. А. Завидовская. – СПб.: Наука, 2012. – 174 с.
5. Кравченко, А. И. Культурология / А. И. Кравченко. – М.: Академический проект, Триеста, 2003. – 496 с.
6. Мещеряков, А. Н. История и культура традиционной Японии / А. Н. Мещеряков. – М.: Наталис, 2014. – 520 с.
7. Эриксон, Э. Х. Идентичность: юность и кризис / Э. Х. Эриксон. – М.: Флинта, 2006. – 342 с.
8. A curious incident with retirement home [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thatsmags.com/shanghai>.